

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

С О В Е Т С К О Е
В О С Т О К О В Е Д Е Н И Е

V

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1948 ЛЕНИНГРАД

А. Т. ТАГИРДЖАНОВ

К ВОПРОСУ О ПОЭМЕ ФЕРДОУСИ „ЮСУФ И ЗУЛЕЙХА“

В издающемся в Лондоне журнале „Розгар-е ноу“¹ помещена статья Муджтеба Минови под названием „Книга «Хэзар-е Фердоуси» и несостоятельность мнения о том, что Фердоуси написал поэму «Юсуф и Зулейха»“.

В начале автор статьи дает краткую характеристику вышеназванного сборника, перечисляет помещенные в нем стихотворения и речи, которые были произнесены на Конференции, состоявшейся в 1934 г. в Тегеране по случаю тысячелетия со дня рождения Фердоуси. Среди них он упоминает речи французского ученого Анри Массе, Е. Э. Бертельса, А. А. Ромаскевича, Н. Я. Марра, индийского ученого Мухаммед Исхака и египетского ученого Абд-аль-Ваххаба Аззама, написанные на персидском языке, краткую речь А. А. Фреймана, написанную на среднеперсидском языке, стихотворение поэта арабского Ирака Джемилъ Сыдки аз-Зехави, написанное на персидском языке размером мутекареб и персидский перевод стихотворения английского поэта Дринкватер, выполненный иранским поэтом Бехаром. Большое значение придает Минови статье о Фердоуси иранского посла в Лондоне Таги Заде, статье Мухаммеда Казвини о предисловиях к Шахнамэ и Аббаса Эжбала Аштиани о миниатюрах в древнеиранском национальном эпосе, которые не были прочитаны на Конференции, но вошли в этот сборник. Он упоминает также статьи на французском, английском и немецком языках, занимающие одну треть этого сборника.

Указав на опечатки, которые допущены издателями этого сборника, особенно в тексте на европейских языках, Минови переходит к разбору двух ошибочных мнений, получивших в этой полуофициальной книге, как он выражается, печать достоверности.

Первое из них — утверждение в том, что Фердоуси был в 389 г. хиджри (998—999) в Хан-Ленджане (в семи фарсангах от Исфахана), где переписал и преподнес один экземпляр „Шахнамэ“ правителю этой местности в благодарность за то, что его сын спас Фердоуси от смерти. Минови доказывает, что эта ошибка идет от двух европейских ученых: Чарлза Рве и Шарля Шефера. В Библиотеке Британского музея имеется рукопись „Шахнамэ“, переписанная в 841 г. х. (1437—1438) с другого списка, датированного 779 г. х. (1377—1378), который был списан с более древнего экземпляра, переписанного в 689 г. х. (1290) для правителя Хан-Ленджана. Дата переписки (689) дана переписчиком в стихотворном коллофоне. Поскольку слово *ششم* было написано без точек, то Рве его прочел как *سید* и обратил на эти бейты внимание Шефера, который отнес случай с переписчиком к самому Фердоуси, а Нельдеке, принявший их ошибку за истину, составил себе убеждение, что Фердоуси до поездки ко двору Султана Махмуда съездил в Исфахан, где приготовил для правителя хан-Ленджана полный список „Шахнамэ“. Этот список Нельдеке назвал первой редакцией „Шахнамэ“.

Другой вопрос, который разбирает Минови подробно, это утверждение о том, что Фердоуси написал поэму „Юсуф и Зулейха“.

До самых последних времен ее автором считали Фердоуси. После работ Эте и Нельдеке в этом не сомневались и самые крупные исследователи. Подтверждение того мнения мы находим у Е. Брауна,² у Крымского,³ у В. В. Бартольда,⁴ и у Е. Э. Бертельса.⁵ Правда, они считали Фердоуси не первым автором, писавшим поэму

¹ Розгар-е Ноу, т. 5, № 3. Статья написана 22 фарвардина 1342 г. (13 апреля 1945 г.).

² A literary history of Persia, London, pp. 131, 141, 146—147.

³ История Персии и ее литературы, т. III, № 1, М., 1914—1915, стр. 124.

⁴ Культура мусульманства, Пгр., 1918, стр. 67.

⁵ Абуль-Касым Фердоуси и его творчество, Л.—М., 1935, стр. 23—25 и 59—65 и „Узбекский поэт Дурбек и его поэма о Иосифе Прекрасном“, Альманах „Дар“, Ташкент, 1944, стр. 166.

„Юсуф и Зулейха“. Согласно указанию, имеющемуся в двух рукописях, они полагали, что до Фердоуси это сказание обработали на персидском языке два поэта: Абу-ль-Муайяд Балхи и Бахтияри из Ахваза.

В результате исследования Муджтеба Минови пришел к выводу, что Фердоуси не является автором поэмы „Юсуф и Зулейха“ и что не было двух более ранних поэтов, якобы впервые писавших поэмы „Юсуф и Зулейха“ на персидском языке — все это, по мнению Минови, является выдумкой девятого века хиджры. Для выяснения этого вопроса Минови собрал при помощи помощника директора Библиотеки Индия-Оффиса проф. Арбери книги и рукописи из Франции, Швеции, Голландии, Германии и Индии, тщательно прочитал и сличил шесть различных изданий и около двадцати рукописей, привлекая к исследованию работы европейских ученых и статью индийского ученого доктора Хафиза Махмуд-хана Шириани. Последний в своей работе, в результате сравнения „Юсуф и Зулейха“ с „Шахнамэ“ показал большую разницу в лексике, в терминах и выражениях, и выразил сомнение о принадлежности их одному и тому же автору.

Минови показывает, что до IX в. х. никто не приписывал Фердоуси поэму „Юсуф и Зулейха“. Даже в IX в. хиджры Хафез Абру, приводивший много цитат из этой поэмы в своей книге „Зубдат-ут-таварих“, написанной около 850 г. х. (1446—1467), не назвал его автора; Джами, закончивший свою поэму „Юсуф и Зулейха“ в 838 г. х. (1483), не знал о существовании одноименной поэмы или не считал ее достойной упоминания; Давлет-шах, написавший свою „Тазкират-уш-Шуара“ в 892 г. х. (1486—1487) упоминает „Юсуф и Зулейха“ Ам'ака Бухарского, но не упоминает поэмы Фердоуси. Даже автор „Хафт Иклям“ говорит, что до Ам'ака никто не писал сказания о Иосифе стихами. Минови здесь упустил из виду слова Ауфи в „Лубаб-уль-Альбабе“, который говорит, что кроме „Шахнамэ“ от Фердоуси передавали мало стихов.¹

Минови говорит дальше, что против этих доводов имеются лишь несколько байтов в предисловии поэмы, которые неправильно приписали Фердоуси, и фантастический рассказ в байсункарском предисловии к „Шахнамэ“. В этом рассказе говорится, что Фердоуси будто бы бежал из Газны в Мазендеран и оттуда в Багдад. Какой-то купец, с которым Фердоуси познакомился по дороге, представил его везиру халифа Аль-Кадыр Билала Фахр-уль-Малику. Последний передал халифу касмыу Фердоуси, написанную на арабском языке. Когда Фердоуси был представлен халифу, он преподнес ему „Шахнамэ“, прибавив тысячу байтов в восхваление халифа, за что получил 60 тыс. динаров и халат. Поскольку в „Шахнамэ“ превозносятся иранские цари-огнепоклонники, то она не понравилась халифу и жителям Багдада. Тогда Фердоуси написал поэму „Юсуф и Зулейха“ и преподнес халифу.

Минови говорит, что этот рассказ не соответствует ни исторической действительности, ни предисловию поэмы „Юсуф и Зулейха“. Во-первых, нет ни одного экземпляра, где бы имя Фердоуси встретилось в тексте самой поэмы. В некоторых экземплярах имя Фердоуси написано на обложке, в некоторых — в конце, но имеются рукописи, вовсе не содержащие имени автора. Во-вторых, в предисловии к некоторым рукописям говорится, что автор раньше писал стихи о царях и любовные стихи, но теперь постарел, отвернулся от этого несправедного пути, больше не хочет говорить ложь и поэтому пишет дастан со слов бога.

Среди исследованных Миновым рукописей оказалось два экземпляра, где автор рассказывает, что до него этот сюжет обработали на персидском языке два поэта: один из них Абу-ль-Муайяд и другой — Бахтияри, который написал поэму для иракского эмира, находившегося в Ахвазе. Автор экземпляра (имеется в виду Фердоуси) знал о поэме Бахтияри и рассказал об этом некоему Тадж-е Земанэ Муваффаку, который предложил ему написать лучшую поэму, чтобы отнести ее дастуру иракского эмира. Минови говорит, что одна из этих двух рукописей, содержащих вышеприведенный рассказ, находится в Бенгальском авиатском обществе и переписана в 877 г. х. (1472—1473) неким Юсуф Черкесом, а другая находится в Британском музее и списана с той же рукописи Юсуф Черкеса в 1244 г. (1828—1829).

Таким образом, имеется лишь одна рукопись, содержащая вышеуказанный рассказ, на котором обосновали предположение, что Фердоуси из Мазендерана поехал в Хузистан, где по предложению Муффака написал поэму „Юсуф и Зулейха“ для иракского эмира. На самом деле этот рассказ, равно как два более ранних, выдуманы в IX в. хиджры, возможно самим переписчиком Юсуф Черкесом, который хотел поместить предисловие Байсункара в начале поэмы „Юсуф и Зулейха“. Здесь под „тадж-е Земанэ Муваффаком“ подразумевается тот же купец, под „дастуром“ — везир Фахр-уль-Малеk, под „иракским эмиром“ — тот же багдадский халиф байсункарского предисловия и, по мнению Минови, ни предисловие Байсункара к „Шахнамэ“ и ни предисловие Юсуф Черкеса к поэме „Юсуф и Зулейха“ не имеют никакого исторического значения и не могут служить доказательством какого бы то ни было предположения.

Минови анализирует еще и третью рукопись, содержащую рассказ о поэте Бахтияри, которая находится в Библиотеке Кембриджского университета. Этот рассказ основан:

¹ Ауф и. „Лубаб-уль-Альба“, т. II. Изд. Брауна, стр. 33.

на предисловии Юсуф Черкеса, но автор подделки, прибавив от себя много стихов, создал совершенно отличное от других предисловие. Согласно этому предисловию, Фердоуси находился при дворе султана Махмуда, который поручает ему написать поэму „Юсуф и Зулейха“. Но там оказывается поэт Бахтияри, который смело заявляет султану, что напрасно он поручает Фердоуси писать такую поэму, что лучше самого Бахтияри никто не справится с этим делом. Султан соглашается с ним, и Фердоуси с опущенной головой выходит из присутствия султана. Он жалуется „Мир аджал“, который советует ему все же писать поэму. Таким образом, Фердоуси тайком сочиняет свою поэму.

Миновви заключает, что немецкий ориенталист Эте не подходил к разрешению этого вопроса критически. Он обосновал свои утверждения на вышеприведенных противоречивых и нелогичных рассказах составителей разных предисловий. Он не применил также научного метода при издании текста поэмы, а смешал различные рукописи и выбрал из них понравившиеся ему стихи. Более того, он признал подлинными те бейты, которые имеются лишь в списке Британского музея, переписанном в 1828—1829 гг. (Эте не видел списка, переписанного Юсуф Черкесом. — Прим. Миновви). На основании этого он сделал предположение, будто Фердоуси эту поэму написал для Меджад-уд-Доула Абу-Талаба Рустама, правившего в Рее, Хамадане и Исфахане (997—1029). Вслед за ним Нельдеке также считал автором данной поэмы Фердоуси, утверждая, что он написал ее для бундского правителя Ирака Беха-уд-Доула (998—1012) или скорее для его сына Сулган-уд-Доула, севшего на трон в 1012 г. Случайно Таги Задэ нашел современника Фердоуси по имени Муваффака. Это Абу Али Хасан ибн Мухаммед ибн Исмаил Эскафи, который в 336 г. (996) стал везиром Беха-уд-Доула. Считая этого человека тем Муваффаком, который упоминается в предисловии поэмы, утверждал, что Фердоуси закончил первый экземпляр „Шахнамэ“ в 384 г. (994—995) и, приехав в Ирак, в 335 г. (995) написал поэму „Юсуф и Зулейха“ по просьбе Муваффака Эскафи (до того, как он стал везиром).

Таким образом, говорит Миновви, получается три разных, противоречащих друг другу гипотезы. Авторы этих гипотез вняли как аксиому положение, что поэма „Юсуф и Зулейха“ была написана Фердоуси и предисловие к одной из рукописей есть подлинное, и старались сопоставить эмира, его везира и муваффака с историческими лицами. В результате получилось, что Фердоуси, как один из современных нам политиков-журналистов (выражение Миновви), после двадцатилетнего труда над „Шахнамэ“ написал низкосортную и слабую поэму „Юсуф и Зулейха“, в предисловии к которой называет свой 20-летний труд ошибкой и раскаивается в том, что писал такую ложь; через 4 года эту же „проклятую“ „Шахнамэ“ он собственноручно переписывает для правителя маленького городка Хан-Ленджана и еще через год эту же ложную сказку „Шахнамэ“ переписывает и преподносит султану Махмуду. На него же он пишет потом сатиру за то, что тот заплатил ему вместо 60 тыс. динаров только 60 тыс. дерхемов. Однако после этого он еще десять лет работает над „Шахнамэ“, вносит поправки, совершенно забыв о том, что он про нее говорил раньше.

Среди исследованных Миновви рукописей оказался один список, переписанный в 1276 г. х. (1859—1860) переписчиком Мамед Земан Каины Хорасана. Хотя в конце переписчик называет автором ее Фердоуси, но в начале ее имеется глава „در ستایش شیخه منشاہ و خسروالب ارسالان“ о восхвалении Абдуль Фавариса Тоганшаха Мухаммеда. Прочитав „شیه منشاہ و خسروالب ارسالان“ вместо „طغا نشاہ فرزندان ارسالان“, написанного в предисловии, и „قلعہ دل شان“ вместо „قلعہ دلشاد“, Миновви полагает, что это предисловие является подлинным и поэма „Юсуф и Зулейха“ написана 60—70 лет спустя после смерти Фердоуси каким-то Ахундом — духовным лицом. Эта поэма была переписана сыну Алп-Арслана Мухаммеда Сельджуки Тоганшаху, который, как выясняется из „Чехар-Макала“ Низами Арузи и из стихов Авреки гератского, а также согласно нумизматическим данным, был правителем восточного Хорасана (столицей его был город Герат). Как указывает Низами Арузи, он любил поэзию, при его дворе состояло несколько поэтов.

Миновви считает недопустимым, чтобы этот малоосведомленный переписчик из Каина в 1860 г. мог подделывать эти бейты, правильно называя в них и в заглавии имя лакаб и конья этого эмира, а также имя и лакаб его отца.

По мнению Миновви, автор поэмы „Юсуф и Зулейха“, являясь ахундом или имеющим религиозное убеждение сказителем „Шахнамэ“, изложил в стихотворной форме содержание того прозаического сказания, которое было в его руках, чтобы противопоставить его древним эпическим сказаниям Ирана. Миновви говорит, что в конце V в. хиджры не один этот Ахунд пытался умалить значение иранских эпических сказаний. Например, Муиззи в одной из своих касид, написанной после 477 г. х. (1084—1085) в восхваление Меликшаха, называет сказания Фердоуси ложными, а свои слова о Меликшахе истинными. Миновви утверждает, что имя автора поэмы было забыто, поскольку она не имела какого-либо поэтического значения. После монгольского завоевания, когда у иранцев ухудшился литературный вкус и познания, распространилось мнение, что автором ее является Фердоуси. Это мнение укрепилось еще благодаря религиозной

борьбе. Люди сочинили раскаяние Фердоуси и удалили из предисловия часть бейтов, где восхваляется Тоганшах и для большей убедительности прибавили от себя другие бейты, подтверждающие авторство Фердоуси.

Минови считает стихи в старых подлинных экземплярах очень слабыми, стиль близким к разговорному или стилю сказителей, хотя признает наличие в поэме стихов, достойных порядочного поэта. Миновви предлагает назвать эту поэму „Юсуф ва Зулейха-е тоганшахи“ или забыть о ней совершенно, удовлетворяясь одноименной поэмой Джами.

Вот краткое содержание статьи Миновви. Мы не имеем возможности оспаривать его основное положение, так как у нас нет материала, который мог бы доказывать правильность существующего до сих пор мнения. Мне не удалось найти в книгохранилищах Ленинграда ни одной рукописи рассматриваемой поэмы. То обстоятельство, что ранние составители биографий поетов не знали другого произведения Фердоуси, кроме „Шахнамэ“, а также сильное отличие языка поэмы „Юсуф и Зулейха“ от языка „Шахнамэ“ и наличие рукописи, где имеется восхваление Тоганшаха, казалось бы, достаточно убедительно показывают, что поэма „Юсуф и Зулейха“ была написана другим поэтом, Фердоуси же ее приписали позднее. Примеры такого явления имеются как в истории персидской, так и в истории тюркской литературы. Диван Катрана Джебели был приписан Рудеки, перевод „Бустана“ Са’ди на тюркский язык, выполненный Масудом ибн Ахмедом, по совпадению имени, была приписан Са’д-уд-дин Масуду Тафтазани. Здесь, как и полагает Миновви, слова автора „Юсуф и Зулейха“ о том, что он раньше много говорил о дзрях, но теперь раскаявается и перестает говорить ложь, могли принять за слова Фердоуси.

Однако нельзя считать вышеприведенные аргументы Миновви не допускающими никакого возражения. Нам хорошо известно, что составители тазкирэ не всегда были беспристрастными при подборе и оценке стихов, часто не выражали и общепринятого мнения, опирались исключительно на свой собственный вкус. Поэтому трудно сослаться на авторов тазкирэ в качестве доказательства того или иного положения. Например Ауфи даже вскользь не упоминает в своей книге Омара Хайяма, а Низами Арузи и Даулетшах говорят о нем только как об ученом, не делая даже намека на его стихи. Но это не может служить доказательством отсутствия у Хайяма четверостиший, так как многие современники этих авторов Тазкире свидетельствуют о том, что Хайям, будучи крупным ученым, писал и прекрасные стихи.¹ Точно так же современник Даулетшаха малоазнатский поэт Челеби в предисловии к своей поэме „Юсуф и Зулейха“, законченной в 897 г. х. (1491—1492), называет Фердоуси автором „Юсуф и Зейлиха“.

Отличие языка поэмы „Юсуф и Зулейха“ от языка „Шахнамэ“, конечно, является значительным фактом, говорящим в пользу мнения Миновви. Однако нельзя совершенно игнорировать мнение европейских ученых, объясняющих это отличие преклонным возрастом Фердоуси, его глубоким разочарованием и подавленным настроением, которые могли ухудшить качество произведения. Примеры такого явления нередко встречаются в истории литературы.

Третий самый сильный аргумент Миновви — восхваление Тоганшаха, — недостаточно обоснован. Можно усомниться в подлинности предисловия, в списке Парижской национальной библиотеки, переписанном лишь во второй половине XIX в., так как Миновви ограничился в своей статье цитированием этого предисловия и одной фразой о недопустимости такой точной подделки каинским переписчиком. Ведь можно предполагать, что переписчик присоединил сюда предисловие другой поэмы или касыду, написанную в восхваление указанного Тоганшаха и случайно оказавшуюся в его руках.

Это доказательство Миновви не вызвало бы никакого сомнения, если бы он довел его до конца, сравнил бы текст этого списка с текстом других наиболее старых списков. Если текст его вполне совпадает с текстом старых подлинных экземпляров, то только тогда не может быть сомнения в том, что это предисловие также является подлинным. Если же текст его ничем не отличается от поздних сильно раздутых списков, то, естественно, что и предисловие также придется считать подделкой или недоразумением.

Другие доказательства и доводы Миновви сравнительно слабы. Мне не совсем ясно, на каком основании Миновви считает слова Байсункара не соответствующими историческим данным. Предание о том, что Фердоуси поехал в Ирак-е Араб или в Ирак-е Аджам, спасаясь от преследования султана Махмуда, не может противоречить ни логике, ни историческим обстоятельствам. В это время был как-раз халифом Аль-Кадири бэллах (381—422/391—1031). Утверждение Миновви, что халиф не знал персидского языка, основано лишь на голом предположении. Наоборот, мы имеем сведения о том, что аббасидские халифы знали персидский язык, некоторые даже писали персидские стихи.²

Отличие друг от друга предисловий разных списков и поздние добавления не могут служить доказательством выдуманного Миновви положения, так как это является не первым примером в истории персидской литературы. Всем хорошо известно, что старательные переписчики довели четверостишия Хайяма, газели Хафеза и др. до такого

¹ См. прим. Казвини к Чахар-макалә. Изд. Казвини, стр. 241—247.

² Б е х а р. Сабк шенаси, т. I, стр. 231 и 256.

состояния, что часто трудно отличить подлинные стихи указанных поэтов от неподлинных. Возможно, что их немало и в „Шахнамэ“. Автор „Атэшгэдэ“ говорит, что сегодня подлинного „Шахнамэ“ не существует, переписчики настолько ее изменили, что не осталось ни единого неспорченного стиха Фердоуси.

Не может служить доказательством также отсутствие имени Фердоуси в тексте самой поэмы. Ведь имя Фердоуси отсутствует также и в „Шахнамэ“. Оно два раза упоминается лишь в сатире на султана Махмуда, однако принадлежность этой сатиры Фердоуси еще не установлена и потому нельзя ссылаться на сатиру в качестве аргумента.

Минови в одном месте называет автора поэмы сказителем „Шахнамэ“, когда хочет объяснить, почему он пишет, что раньше говорил ложные дастаны, а в другом месте называет ахундом, объясняя причину отказа его от эпических сказаний и перехода к библейско-кораническому сюжету. Однако трудно поверить, чтобы какой-нибудь ахунд являлся бы в то же время профессиональным сказителем „Шахнамэ“, где превозносятся иранские цари-огнепоклонники.

Вызывает недоумение и то обстоятельство, что эта, по выражению Минови, слабая поэма „Юсуф и Зулейха“, написанная лишь каким-то кессаханом и ахундом, оказалась более жизнеспособной, чем поэмы знаменитых поэтов. Ведь до нас не дошли ни поэмы Рудеки, ни поэмы Унсури, имеются всего три рукописи „Вис и Рамин“ Горгани, не дошло ни одной строчки „Юсуф и Зулейхи“ Ам'ака бухарского, которую упоминают все составители тэакире, в то время как рассматриваемая нами поэма „Юсуф и Зулейха“ дошла до IX в. хиджри не в единственном экземпляре. Рукописи ее были тогда довольно распространены, и она была всеми признана как поэма Фердоуси.

Нельзя согласиться с мнением Минови, что у иранцев после монгольского завоевания очень низко пали литературный вкус и познание и благодаря этому они в IX в. хиджри думали, что поэма была написана Фердоуси. Этого мы не можем сказать ни о хорасанских поэтах тимуридского периода, ни о поэтах западного Ирана и Малой Азии. Вычурный стиль господствует в это время не только в персидской поэзии и прозе, но он охватывает даже и тюркскую поэзию.

Минови считает стихи поэмы очень слабыми и говорит, что Эте и Нельдеке совершили большой грех по отношению к персидскому языку, приписав „Юсуф и Зулейха“ такому мастеру персидской поэзии как Фердоуси. При этом Минови считает, что европейские ориенталисты не могут усвоить персидский язык настолько, чтобы разобраться в тонкостях языка разных книг и отличать стиль одного поэта от стиля другого и т. д., хотя дальше признает, что Блоше также заметил отличие „Юсуф и Зулейха“ от „Шахнамэ“ как с точки зрения качества стихов, так и литературного достоинства.

Бледность поэмы „Юсуф и Зулейха“ по сравнению с „Шахнамэ“ и относительная слабость ее стихов довольно ясно были отмечены как европейскими, так и русскими учеными. Проф. Е. Э. Бертельс, например, говорит, что „Юсуф и Зулейха“ бледнее рядом с „Шахнамэ“, как карандашный рисунок рядом с полотном Рубенса. Он оценивает „Юсуф и Зулейха“ не по качеству отдельных стихов, а по композиции, по прекрасным картинам, по живописи и непосредственности, видит ее силу в необычайно тонких деталях, в удачных лаконичных описаниях, оставляющих широкий простор для фантазии каждого читателя.¹ Эти описания гораздо более удачны, чем, например, в поэме Джамии, который расписывает красоту Зулейхи всеми буквами арабского алфавита. Минови, однако, не обращает внимания на эти стороны, он судит, как большинство персидских читателей, по отдельным стихам: в какой степени они разукрашены красивыми образами, сравнениями и т. д.

Как я говорил выше, мы не имеем материала для твердого доказательства существующего до сих пор мнения, что поэма „Юсуф и Зулейха“ была написана именно Фердоуси. Однако точку зрения Минови также нельзя считать вполне доказанной. Во всяком случае, мы имеем полное право констатировать, что автор рассматриваемой поэмы „Юсуф и Зулейха“ был не простым ахундом и сказителем „Шахнамэ“, как говорит Минови, а большим мастером своего дела.

¹ Е. Э. Бертельс. Абу-ль-Касем Фердоуси и его творчество. Л.—М., 1935, стр. 62—64.